

ЗВУЧАЩАЯ ТИШИНА

Eva Toulouze

To cite this version:

Eva Toulouze. ЗВУЧАЩАЯ ТИШИНА . Литературная Россия, 2009. ⟨hal-01276751⟩

HAL Id: hal-01276751

https://inalco.hal.science/hal-01276751

Submitted on 19 Feb 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Архив : №25. 26.06.2009

ЗВУЧАЩАЯ ТИШИНА

Мне вспоминается мой отъезд из Москвы зимним днём 1997 года. Я приезжала для участия в третьем съезде народов Севера. Еремей Айпин, четыре года бывший президентом Ассоциации северян, на новых выборах уступил своё место ненцу Сергею Харючи. Я догадывалась, что Айпин проиграет. Когда мы перед голосованием пили с ним чай, я честно высказала ему своё мнение. «Для ассоциации, – сказала я, – было бы хорошо, если бы тебя переизбрали. Но мне бы хотелось, чтобы у тебя появилось хотя бы немного свободы». Айпин задумчиво повторил: «Свобода...».

Мои слова были искренни. Мне казалось, что Айпин слишком много занимался политикой, и это походило на рабство, освобождение от которого обернулось бы благом для писателя. На следующий день мы выпили за свободу, а ещё через день он проводил меня на вокзал. А ночью в поезде, который вёз меня из Москвы в Тарту, я уже сочинила текст небольшого примирительного письма, которое потом называла «Звучащая тишина». С тех пор прошло двенадцать лет. Но я не думаю, что оно устарело.

О чём же я писала в 1997 году?

Ева ТУЛУЗ

Я не знаю, на что похоже моё лицо, отделённое от твоего грязным стеклом. Твоё лицо неподвижно, серьёзно, непроницаемо. В последнюю минуту перед тем, как нас разделят тысячи километров, человек из тайги молчит; ни один мускул на твоём лице не дрогнет. За несколько встреч, произошедших за те десять лет, что мы знаем друг друга, я запомнила некоторые выражения, которые без какой-то связи встают у меня перед

глазами. Неподвижное, серьёзное, сосредоточенное, непроницаемое лицо. Вопросительный взгляд, искренний, детский, немного растерянный, беспомощный. Напряжённая вынужденная улыбка общественного деятеля, слишком чопорная и сдержанная (ну разве что из-за неё можно было тебя упрекнуть при выполнении твоих общественных обязанностей в отсутствие теплоты по отношению к людям. Это правда, Еремей, универсальная улыбка народного лидера – не для тебя). Смех, иногда раздающийся, разглаживающий морщинки, который освобождает, заражает и облегчает. Ты смотришь на мир молча, но напеваешь, когда готовишь рыбу.

Ты говоришь медленно, тщательно артикулируя слова, и словно острое лезвие вырисовывает их в воздухе вокруг тебя. Они словно теряют свой привычный и банальный смысл, переходят в другое измерение, становятся независимыми. Они редки. Иногда ты словно эхо повторяешь обращённые к тебе слова, – единожды, дважды, чтобы полностью проникнуть в их смысл, чтобы погрузиться в него и найти в нём тайную дверь, насладиться неожиданными оттенками.

Паузы, которые разделяют твои слова, тоже имеют значение. Тайну. Твоё молчание говорит со мной. Твоё молчание красноречиво. Ты чаще доверяешь свои слова бумаге, чем звуку, не рассеивая их в пространство, не расточая их понапрасну, не делая их средством мимолётного разговора: предназначенные не кому-то одному, но всем, они обеспечивают твою связь с единством мира. Твои слова исполнены тишины и гармонии. Твоё молчание – это умение слушать, умение слушать шепчущие травы, журчание воды и твои шаги отвечают им, когда ты идёшь по лесу. Твой голос прозрачен, как осень, которая так тебе близка, – время последнего фейерверка природы, время сдержанной меланхолии.

Проявив себя в литературе, ты не мог не проявить себя в политике – чтобы дойти до конца в своём предназначении. Отдача не могла быть полной, ведь для твоего народа правильная политика – вопрос жизни и смерти. Около десяти лет ты реализовывал ту часть себя, что жаждала действия, принятия решений, и заставлял молчать вторую, склонную к размышлениям, обращённую к звучащей тишине мира. Ты принял мир обыкновенных слов и приноровился, как порядочный человек, к новым правилам игры. Сейчас ты можешь вновь обрести душевное единство, снова стать таким, каким тебе хочется, говорить и молчать на своём собственном языке, улыбаться не потому, что должен, и петь, когда этого просит душа. Ты сможешь вновь найти слова, чтобы говорить со своим народом, чтобы высказать ему себя так, как это может сделать только ты.

Точнейшая формулировка невыразимого, твоё молчание содержит в себе полноту вселенной, органическую связь вещей, живых или кажущихся неодушевлёнными, людей и земли, неба или стремительных вод, зверей и камней. Этот симбиоз неразделим, даже если в нём есть существа, которые его отвергают, есть попытки его раздробить и ярость, чтоб его разрушить... Но ты чувствуешь в душе, что искажение малейшего элемента этого единства – это искажение целого, и жестокость не может обратиться в конце концов против жестокого. И ты не можешь ответить на эту несправедливость ничем, кроме молчания. Единственный ответ, соответствующий катастрофе. Это молчание – крик, более громкий и достойный, чем любой иной. Только оно может заполнить пространство, превратиться в слова – молчаливые, поражающие, обвинительные, могущественные слова на бумаге...

Твоё молчание – крик.

Впервые я увидела тебя стоящим возле двери переполненного зала, и ты показался мне сошедшим со страниц волшебной сказки. Ты был первым настоящим ханты, которого я увидела. Твоё лицо было экзотическим, как и твой голос, но я всё же отважилась заговорить с тобой – со всем энтузиазмом неофита. Я подошла поговорить с тобой... Потом я научилась говорить меньше, плыть по течению и не испытывать судьбу. Но, может быть, я научилась этому только благодаря тому, что в тот день поддалась безумию и подошла к тебе?

В тот день я попала в волшебную сказку, в сказку про Деда Мороза и его оленей в богато украшенных шубах... В сказку с непроходимыми лесами, с богатыми рыбой реками... Когда же я из неё вышла? Когда же я поняла трагедию, которая скрывается под белой шубой и сдержанностью зимы? Интерес к дешёвой экзотике? Было ли это, когда я первый раз читала статистику, касающуюся твоего народа? Или когда, облетая тайгу на вертолёте, я поняла, что уже не осталось мест, где не было бы нефтяных вышек? Могла ли я не понять этого, узнав, как из-под полы распродаются ваши достояния? Ещё ясней стало, когда я увидела чёрную жидкость, в которую превращается, подтаяв, непорочный снег, увидела оленей, писающих кровью... и когда я всё поняла, то почувствовала, что единственным моим ответом будет молчание. Что тут сказать? Как можно опошлять бессильными словами восприятие того, что невообразимо? Я почувствовала ответственность того, кто говорит. Я поняла это не только потому, что однажды подошла к тебе поговорить, но и потому, что в тот день, как и в последующие, ты ответил мне и, прежде чем замолчать, дал ключ к пониманию твоего мира.

В твоих словах я нахожу твой мир, как нахожу в них себя. В бесконечном родстве с миром, которое присуще Демьяну, в ненависти к препятствиям, которой живёт Ефрем, в осенней меланхолии Владимира Волдина, я нахожу то, что связывает нас и что превращает слова хантыйского поэта в послание, понятное всем.

Твоя тишина звучит. Я ещё не умею читать во всей полноте оттенков её музыки, но мне всё более понятен её смысл. Он помогает мне жить – жить, зная, что Сена, Тахо и Тибр, Дунай, Эмайыги, где бы они ни текли, впадают в Аган. И наоборот. Он даёт мне силы, чтобы нести это послание даже за границы тех мест, где его понимают. И чтобы сделать мою тишину звучащей.

Еремей АЙПИН

А вообще впервые я встретила Еремея летом 1985 года на Финно-Угорском конгрессе, который проходил в Сыктывкаре. Это было волшебной сказкой уже потому, что тогда эти края в глубине России почти не были доступны: страстная финно-угроведка, которой я была тогда, повторяла названия городов, как заклинания: Саранск, Ижевск, Йошкар-Ола, Сыктывкар, Ханты-Мансийск. Они казались сном, который никогда не сбудется. Я не отдавала себе тогда отчёта в том, что эти города не были воплощениями давшей им имена культуры, которая отнюдь не была городской, и т.д. Для меня приехать в Сыктывкар было шагом в мечту. И там, с жаром неофита, о котором я уже упоминала в тексте, я принялась записывать обрывки финно-угорской речи, чтобы сделать в Париже, как я наивно думала, центр, где изучение финно-угорской культуры опиралось бы на живые языки, как на средство общения, а не изучения гипотетического прошлого (в то время я была всего лишь студенткой, некомпетентной в вопросах изучения финно-угров, но в целом была заинтересована). И встреча с настоящим ханты с Востока, говорящим на своём диалекте, а кроме того – писателем по профессии, была для меня в тот момент воодушевляющим событием, хотя я даже не догадывалась, куда меня это приведёт. Я так и вижу перед собой Еремея, рисующего мне русло Агана, помечая на нём свою деревню и своё стойбище. Я благоговейно хранила этот лист бумаги между страниц двуязычного рассказа «Под тенью старых кедров», экземпляр которого он мне подарил.

Мы много беседовали. Вспоминаю своё удивление: Айпин, оказалось, не говорит на родном языке со своими двумя дочерьми. Потом было восхищение: Айпин захотел перевести на свой родной язык всю французскую литературу. А как меня потрясло признание Айпина, что он видит Париж как маленькую точку посреди огромного леса – мира.

За этой первой встречей последовала продолжительная переписка и новая встреча спустя пять лет, на следующем конгрессе в Венгрии, в Дебрецене. Многое с тех пор изменилось. Россия перестала быть закрытой страной. Одной из первых сказанных им фраз была «теперь я смогу пригласить тебя к себе». Изменения в России повлекли за собой изменения в его жизни: человек из тайги, с глубокими народными корнями, сын Данила и внук Романа, переехал в Москву и стал депутатом. Он всегда мечтал о том, что его народ сумеет извлечь выгоду из нефтедобычи, стать её хозяином. По крайней мере мне так помнится из наших бесед. Нам казалось, что мы старые друзья. Я представляла, как я гребу по Агану в «обласе»...

Возможность съездить туда представилась несколько месяцев спустя. Меня пригласили присоединиться к визиту культурной делегации, ехавшей в столицу округа по случаю его шестидесятилетия. Еремей в эту делегацию не входил, и мы встретились в Москве. Я помню, как завтракала с ним в Думе, как получила в подарок экземпляр его первого большого романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», только что напечатанного. Этот роман положил начало новому этапу в социальной ассимиляции писателей северных народов: если писатели предыдущего поколения были признанными глашатаями режима, который их породил, позволил им стать интеллектуалами, то Айпин был первым, кто освободился от этого долга и изменил точку зрения. Он определил себя как глашатая своего народа и взял на себя ответственность через литературу передать послание тем, кто, несмотря на добрые намерения, довёл его народ до катастрофы. Это радикальная смена перспективы. В северной литературе он появился вместе с ненецкой писательницей Анной Неркаги, которая открывает глаза на невыносимое положение автохтонных интеллектуалов, зажатых в клещах двух миров, застрявших посреди брода.

Еремей тоже по-своему почувствовал трагедию, хотя его интеграция в «новый мир» прошла, без сомнения, менее болезненно, чем у многих. Пытался ли он вернуться в своё стойбище, вновь начать жизнь оленевода? Задавался ли он хотя бы себе этим вопросом, взвешивал ли за и против? Или он просто позволил себе плыть по течению, которое навсегда уносило его от корней, когда женился на русской?

Вернувшись на родину после учёбы в Москве, он обосновался в городе. А когда его захватила политика, он вернулся в Москву, потом жил в Нижневартовске и, наконец, в Ханты-Мансийске, больших городах своего региона. Но не в своём маленьком стойбище на берегу Агана.

Итак, сын оленевода Данила, он подтвердил свой выбор: не вернувшись в стойбище своего отца, он свернул с пути предков. Выбор, который столько людей делало до него и будет делать после. Проблема в том, что, несмотря на выбор, связь с корнями слишком сильна. И, исходя из этого, выбор по сути своей болезнен. Если человек отказывается от мира, из которого происходит, он отказывается от части себя самого. Более вероятно, что он от него не отказывался. Родная земля остаётся где-то глубоко внутри. Мне кажется, именно это делает Еремея Айпина великим писателем. Когда он пишет, то проживает ту жизнь, которую не может прожить в реальности. Не имея возможности прожить, он воплощает её на бумаге, иногда – идеализируя в угоду себе. Я понимаю произведение «У гаснущего очага» как гимн этой утраченной жизни, в которой он находит вкус и лиризм. Но в других романах, таких, как «Ханты, или Звезда Утренней Зари», и особенно в последнем романе «Божья Матерь в кровавых снегах», он непреодолимо удаляется от лиризма и детства. Он размышляет о жребии своего народа. Он обращается к самым тяжёлым страницам истории, даже если это история не его клана (события, которые послужили основой для последнего романа, произошли с народом Хаитов Казыма, тогда как Еремей происходит из восточного Аганского региона, и два народа говорят на разных языках). Он воспринимает их как своих, близких, он сопереживает не только всем хантам, но и, что символично, всем народам Севера, подвергавшимся жестокой «советизации». Я убеждена, что это его ностальгия, постоянно поддерживаемая повседневной жизнью – административной работой, строгой одеждой, – или даже не ностальгия, а вторая часть его существа, которая не находит иного способа выразить себя, – в союзе с огромным талантом и делают из него великого писателя. Творчество успокаивает его душевный разлад.

В жизни, как показывает портрет, на который он меня вдохновил в 1997 году, Еремей не словоохотлив и не красноречив. В творчестве он ни с кем не сравнимый стилист. Он внушает мне почтение. Я никогда не осмеливалась переводить на французский прозу Еремея, оставляя эту работу более компетентным славистам, чем я, которых не испугает богатство его лексики. Я знаю, что он хотел, чтобы я сделала это, хотя скорее всего не понимал, что я говорю по-русски свободно, без проблем, но этого недостаточно. Я могу привести доказательство своей правоты: несколько недель назад его последний роман вышел на эстонском. Перевёл его Петер Волконский, потомок знаменитой русской дворянской семьи, эстонский писатель. Во время презентации книги он тоже сделал акцент на богатство языка Айпина. «Мне никогда не приходилось так часто использовать словарь Даля», – уточнил Волконский. Но это богатство не допускает никаких излишеств, никаких чрезмерностей. Оно заключается в тщательной выверенности прозы, чеканной, описывающей вещи точно до последней детали.

Если их постоянно разрывает между двумя мирами, двумя укладами жизни, способами мыслить и осознавать себя, между двумя такими разными полюсами, то что же ещё делать автохтонной интеллигенции, потомкам первых народов этого мира, как не искать выхода из этого тупика, пытаясь примирить две сущности, найти скрытые пути к гармонии? Политику уготован другой жребий и другие разочарования. Во-первых, чтобы голос народа был услышан, нужно принимать участие в форумах, где его слушают. Чтобы оставаться в нужном месте, его по определению нельзя покинуть. Потому он не может оказаться там, где протекает повседневная жизнь коренного народа, зато предполагается, что благодаря ему этот народ будет услышан. Мне возражают, что он занят во всех представительских системах или что есть разделение обязанностей между представителем и теми, кого он представляет. И это бесспорно так. Но когда речь идёт о народах столь чувствительных, противоречивых, столько страдавших, это разделение обязанностей закончится созданием пропасти – очевидно, непреодолимой. Разрыв между теми, кто говорят, и народом, от лица которого они говорят, не только физический, он органический, и это происходит вне зависимости от того, что они говорят и что делают. Люди пожимают плечами: «А, этот, он теперь городской, солидный, высокомерный стал». Короче говоря, они перестают быть своими. Отношения, даже с самими близкими, ухудшаются. Нити рвутся быстро, и представитель становится марионеткой, которая уже никого не представляет. Неизбежное страдание, и Еремей, конечно, был не единственным, кто его испытал.

И ещё. Помимо этой дилеммы политик сталкивается с множеством обстоятельств, заставляющих его решать неразрешимую задачу. В регионе, где коренное население составляет меньше одного процента, то есть имеет минимальный вес, на что поставить, чтобы получить максимум тех крох, которые возможно получить? Невозможно игнорировать реальность: нефть, которая является богатством не только региона, но и всей России, является поводом для разрушения традиционной жизни коренного населения – единственного, что обеспечивает их истинное достоинство. Да, сложился инфернальный треугольник: железнодорожные пути, дорога, месторождения. Но у Еремея есть возможность вырваться из него – словно по волшебству перенестись в другое измерение, в творчество. За все годы занятий политикой Еремей Айпин не перестал писать. И он сотворил шедевры. Чудо? Героический поступок? Или просто, как гигиеническая профилактика, единственное средство продолжать движение вперёд, уловка, чтобы ответить на все вызовы и найти выход из всех тупиков? В любом случае он делает мир лучше, богаче и наполняет его значением. Спасибо ему.

Ева ТУЛУЗ,

г. ПАРИЖ

Перевод с французского

Н. КРЮКОВОЙ